

Е.Г. Власова

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ЕРМАК КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ УРАЛЬСКОГО ЛАНДШАФТА

(на материале сылвенского сюжета уральской мифологии о ермаке)¹

Статья посвящена геокультурным аспектам формирования уральского мифа о Ермаке. Отталкиваясь от наблюдения Д.Н. Замятина о том, что «гений в свою очередь является «произведением» места», мы показали, как культурная память локуса меняет пространственную и временную конфигурацию исторической личности, встраивая его в существующие геокультурные связи. Материалом исследования послужил сюжет о сылвенской зимовке Ермака как один из самых сложных для исторической идентификации. Появившись в местных преданиях и закрепившись в знаменитой Кунгурской летописи, этот сюжет получает развитие в локальной памяти, что подтверждается более поздними фольклорными и литературными материалами, прежде всего, путевой очеркистикой XIX века, послужившей основой литературного освоения местного пространства в перспективе формирования уральского текста русской культуры.

Ключевые слова: *культурный ландшафт, уральские травелоги XIX века, Ермак, уральская мифология*

Vlasova E. G.

Perm State National Research University

ERMAK AS A PRODUCT OF THE URAL LANDSCAPE (BASED ON THE MYTH OF ERMAK'S WINTERING ON THE SYLVA RIVER)

The article is devoted to the geocultural aspects of the Ermak's image formation as a part of the Ural mythology. We used D. N. Zamyatin's thesis that «genius, in turn, is a 'work' space» and showed how the cultural memory of the locus changes the temporal and spatial configuration of historical figures, integrating it into a full geocultural connection. The research is based on the story of Ermak's wintering on the Sylva river as one of the most difficult events for historical identification. This story appeared in local legends and entrenched in the famous «Kungur chronicle». Then it has been developing in local memory, as evidenced by the later folkloric and literary materials. The most significant source is the travelogue of the XIX century which formed the basis for the further literary development of local space leading to the formation of the Ural text in Russian culture.

Keywords: *cultural landscape, Ural travelogue of the XIX century, Ermak, Ural mythology*

Ермак занимает особое место в культурном ландшафте Урала, являясь одним из центральных героев местной памяти. Уральская мифология соединила в его образе два архети-

пических статуса — героя-завоевателя, покорителя новых земель, и трикстера: разбойника, алчность и жестокость которого были соразмерны его воинской доблести. Процесс формирования уральского мифа о Ермаке ярко демонстрирует механизм активного воздействия локального ландшафта на феноменологию и онтологию исторической личности, попавшей под прицел локальной памяти. В.В. Абашев, анализируя место Ермака в парадигматике пермского текста, поднимает проблему трансформации исторической личности в процессе

© Власова Е.Г., 2018

Власова Елена Георгиевна, к.филол.н., доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ
elena_vlasova@list.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта №15-14-59004 а(р) «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII - начала XX вв.»

локального семиозиса: «В пермский текст он входит не как реальное событие в его причинно-следственных связях и сопутствующих обстоятельствах, а в качестве суггестивно богатого словесно-визуального означающего, которое в процессе семиозиса отделилось от реального события и начало свою самостоятельную жизнь в истории» [1, с.46]. Учитывая отсутствие документальных свидетельств о личности Ермака и крайнюю мифологизированность обстоятельств его сибирского похода, «самостоятельная» жизнь мифа становится единственной реальностью, замещающей собой некогда произошедшие факты. Испытывая подобные трансформации, реальная личность превращается в персонаж, вписанный в локальное пространство и систему складывающихся в нем смыслов. Таким образом, человек теряет свою независимость от места: ландшафт входит в него, превращая в свою часть.

Взаимодействие человека с ландшафтом носит двусторонний характер. В размышлении Д.Н.Замятина о со-пространственности гения и места есть важное для нашего исследования наблюдение: «С нашей точки зрения, гений, в свою очередь является «произведением» места» [4, с 319]. В случае с культурным героем процесс влияния места на человека оказывается доминирующим, поскольку опосредован не столько конкретным опытом личности, сколько суммой смыслов, заложенных в самом ландшафте, и теми интерпретациями, которые оформили семиосферу культурного героя в процессе его встраивания в ландшафт.

Наполнение образа Ермака в уральской памяти складывалось как объединение разнородных фольклорных сюжетов. Так, знаменитый исследователь местной мифологии В.В. Блажес отмечает, что разбойничий мотив в уральских преданиях о Ермаке формируется по принципу притягивания уже существующих сюжетов разбойничьей вольницы. Ученый показал, что, несмотря на большое количество преданий о поволжских разбойниках, бытовавших еще до завоевания Сибири, в них нет упоминаний о Ермаке — каспийском пирате [3]. Только после сибирского похода и в связи с его описанием, которое восходит к народным преданиям, появляется образ разбойничьего предводителя Ермака. Комментируя это наблюдение исследователя, К.В. Анисимов отмечает: «Началось «стягивание» «воровских» мотивов к имени Ермака и оформление «канонического» образа завоевателя Сибири как бывшего разбойника, искупившего вину перед царем покорением вражеского царства» [2]. Получается, что семиотизация образа Ермака изначально была задана особенностями местной памяти и локальной самоидентификации, связанной, в частности, с

особым маргинальным характером уральского фронта.

Влияние геокультурного контекста на фольклорный образ Ермака отмечает и другой ведущий исследователь уральской мифологии В.П. Кругляшова, которая, характеризуя динамику уральских преданий о Ермаке, говорит о том, что со временем они все отчетливее попадают под влияние «активного по своим социальным устремлениям» горнозаводского фольклора Урала: «Традиционный для ермаковских преданий сюжет, раскрывающий Ермака, как завоевателя, изменился вследствие изменения характера образа. Основным содержанием стала борьба за социальную свободу, защита бедных, угнетенных людей, расправа с угнетателями. В зависимости от такого содержания наметилось сюжетное развитие преданий о Ермаке, большую роль в которых играли сюжеты разинского фольклора. Ермак в преданиях встал в один ряд со Степаном Разиным, с «вольными людьми» уральского горнозаводского фольклора» [5, с. 154]. Наблюдения В.П. Кругляшовой совпадают с логикой нашего размышления: геокультурный контекст оказывает самое непосредственное влияние на процесс семиотизации реалий локального ландшафта, в том числе семиотизации личности, связанной с ним.

Основной задачей нашего исследования является попытка выявления механизмов трансформации исторических реалий: героев и событий, — под влиянием геокультурных связей, складывающихся в ландшафте. На наш взгляд, моделью подобной трансформации может служить один из самых спорных сюжетов ермаковского мифа, связанный с преданиями о сылвенской зимовке Ермака.

Из всех дошедших до нашего времени летописей, повествующих о походе Ермака², только Кунгурская рассказывает о том, что, прежде чем отправиться в Сибирь, Ермак зимовал на Сылве. Следуя версии Кунгурской летописи, отряды Ермака «не попали по Чусовой в Сибирь и поплыли по Сылве вверх» [6, с. 249]. Здесь они зазимовали. Потом вернулись на Чусовую и по реке Серебрянке отправились на Тагильский волок. Во время зимовки Ермак основывает на Сылве новое поселение — Городище, где строит струги для похода в Сибирь и собирает провиант, совершая набеги на вогулов. После долгой зимовки часть отряда в поход уже не идет, поскольку казаки «...с женами и детьми навек поселились» [6, с. 251]. В летописи говорится также, что еще до начала похода

² Основными летописными свидетельствами похода считаются Есиповская, Строгановская, Кунгурская и более поздняя — Ремезовская, которая в основном была построена на контоминации Есиповской и Кунгурской летописей.

в Городище возводится часовня во имя Николая Чудотворца, завершение строительства которой и определило начало ермакова похода.

Все другие летописи об этой зимовке не упоминают вообще. Историки в сылвенские плутания Ермака тоже не верили. Как отмечает автор обстоятельного очерка «Тропа Ермака» краевед Сергей Останин³, «версия о сылвенском житии Ермака не нашла поддержки ни у Карамзина, ни у Костомарова, ни у других российских историков» [10]. Вслед за С.Г.Скрынниковым, автор исследования полагает, что Кунгурская летопись не выдерживает историковедческой критики: военно-тактическая опытность казаков не позволила бы им заплутать или выбрать для зимовки место, так далеко отстоящее от намеченного пути. По мнению Останина, Кунгурская летопись стала результатом намеренного переписывания истории, совершенного кунгурскими священнослужителями, которые сделали Ермака крестителем края. Семен Ремезов, нашедший летопись во время своей поездки в Кунгур, быстро поверил этому документу: «Для него, человека набожного, воцерковленного, выдумки кунгурских служителей церкви о плутании Ермака по Сылве, искусно вплетенные в летописные своды, стали делом верным, состоявшимся. Как историк своего, средневекового времени, он воплотил их веру, замешанную на местническом расчете и эгоизме, в собственном историческом исследовании, придав этой вере видимость научного знания» [10].

Современные пермские историки называют другую причину для распространения рассказов о сылвенском походе Ермака: «Отряд Ермака продвигался по рр. Чусовой, Серебрянке, Сылвице (устье которой находится в верховьях Чусовой, близ устья р. Серебрянки. Сылвицу ошибочно отождествляют с р.Сылвой, отсюда фольклорная традиция, указывающая на пребывание Ермака в окрестностях совр. г. Кунгура), Баранче, Тагилу, Туре, Тоболу» [7, с. 42]. Могла ли топонимическая путаница стать причиной столь подробной и разветвленной истории, сказать сложно, важно, что версия о ней солидаризируется с мифологическим характером происхождения сылвенского сюжета.

В то же время нужно отметить, что доказательство Скрынникова-Останина в среде уральских историков и краеведов не является общепризнанным. Оно существует параллельно другой доказательной базе, представленной, например, в исследовании екатеринбургского историка В.А.Шкериной [12], который настаивает на реалистичности кунгурской зимовки Ермака.

Не смотря на сосуществовании разных версий, остается бесспорным тот факт, что вне зависимости от достоверности описываемых

Кунгурской летописью событий сылвенский сюжет стал важнейшей частью локальной памяти, закрепившись в местной топонимике, преданиях, а позднее и в литературных текстах. В этой связи особое значение приобретают исследования, посвященные характеристике повествовательной манеры Кунгурской летописи. Все ученые сходятся во мнении, что памятник принадлежит к особому роду сибирских летописей, основанных на пересказе устных преданий. Эта версия была введена в научный оборот С.В.Бахрушиным и поддержана Д.С.Лихачевым. В.В.Блажес отмечает: «Исследователи называют Кунгурскую летопись «единственным, сохранившимся до нас образцом казачьего летописания»; называют так потому, что она, во-первых, наиболее полно отразила народные воззрения на все, что связано с завоеванием Сибири и, во-вторых, донесла фрагменты и пересказы урало-сибирских преданий о Ермаке в наиболее чистом, неинтерпретированном виде» [3, с. 16]. Эти выводы являются на сегодня самыми точными из всех возможных исторических реконструкций. Главным источником для автора Кунгурской летописи послужили не столько официальные установки местных служителей церкви, сколько многочисленные и любимые народом предания о Ермаке. Это не исключает того, что инициатива по написанию летописи могла быть связанной с попыткой укрепления геополитического статуса местной власти и местного духовенства. Однако в конечном итоге Кунгурская летопись, вобрав в себя местные предания, послужила своего рода легитимизацией народной версии маршрута Ермака.

Сылвенская зимовка Ермака представляет собой устойчивый сюжет, возникший, скорее всего, до написания Кунгурской летописи, которая лишь подтолкнула его к дальнейшему развитию, зафиксировав в качестве исторического факта. По мере своего бытования этот сюжет обрастает историями, которые разворачиваются в местном пространстве, формируя собственную топографию. В.В.Блажес, изучив архив Н.Е.Косвинцева, пересказал несколько топонимических преданий, которые были зафиксированы этим уральским краеведом во время кунгурских экспедиций конца XIX века. Согласно этим записям ермаковцы приняли непосредственное участие в основании сылвенских деревень Ермаки и Кокуй. История деревни Петушки также была связана народной памятью с Ермаком: здесь жил разбоем один из

³ Сергей Вениаминович Останин — уроженец Кунгура, живет и работает в Москве военным обозревателем ИТАР-ТАСС; автор краеведческих книг «Блюхер в Кунгуре», «Пугачевщина под Кунгуром».

бывших соратников Ермака, а сохранившаяся часовня, возраст которой датируется XVI веком, была построена ермаковцами [3, с. 21]. Кунгурская летопись упоминает только одно поселение на Сылве, основанное Ермаком, — это Городище. Современные историки идентифицируют его по вершине горы Ледяной: на берегу реки Сылвы напротив села Филипповское. Остальные локусы, скорее всего, встраиваются в сферу влияния Ермака позднее, подтверждая общий механизм присвоения статусной личности. Даже если Ермак действительно зимовал на Сылве, локальная память интерпретировала этот факт в соответствии со своими «присваивающими» установками, которые значительно расширили место действия ермаковской дружины.

В процессе мифологизации расширяется не только география, но и время жизни исторической личности. Герой становится вместилищем общей памяти локуса, аккумулируя важнейшие события местной истории. Сылвенский сюжет мифа о Ермаке фиксирует процесс переноса героя вглубь веков, к первоистокам местной жизни — первым людям на Урале и обстоятельствам его русского освоения. Вас.Ив. Немирович-Данченко, побывавший на Урале в 1875 году, восклицал: «Расспросишь и окажется, что легендарный герой наш должен был жить по крайней мере триста лет» [9, с. 562].

Как утверждал В.В. Блажес, именно Кунгурская летопись ввела в круг преданий о Ермаке сюжеты, связанные с колонизацией коренного населения Урала — вогулов. «Другие летописи борьбы Ермака с вогулами на Урале вообще не освещают. Очевидно, это объясняется тем, что Кунгурская летопись создавалась на основе местных преданий. На Урале предания о том, как Ермак вогул «дубиной крестил», бытовали широко вплоть до XX века», — пишет исследователь [3, с. 22]. С течением времени этот сюжет соединяется с обширным циклом рассказов о легендарной Чуде. Устойчивость чудских сюжетов в преданиях о Ермаке зафиксировал, в частности, Немирович-Данченко, когда описывал свое путешествие по Сибирскому тракту — а значит, проезжал по местам «сылвенской зимовки»⁴.

Фольклористы оценивают текст Немировича-Данченко как один из самых точных и полных источников для изучения уральского фольклора того времени: «Добросовестный пересказ уральских преданий, многочисленные замечания о характере их бытования выдвигают очерки В.И. Немировича-Данченко в число основных источников, содержащих фольклорный материал о Ермаке», — пишет В.В. Блажес [3, с.11]. В очерках, посвященных поездке по

Сибирскому тракту, Немирович-Данченко пересказывает четыре ермаковских предания. Все они описывают битвы Ермака с коренным населением, которое именуется то немотой, то пермяками, то татарами, то чудью. Конечно, тема борьбы Ермака с автохтонами имеет вполне реальное основание — и Строгановы, и Москва, действительно, возлагали на Ермака задачи усмирения непокорных уральских народностей. Важно другое: в сылвенских преданиях о Ермаке происходит соединение истории Ермака и преданий о древней уральской Чуде, скрывшейся от первых русских колонизаторов внутри горы, или ушедшей под землю.

Вот один из разговоров путешественника со своим возницей по дороге из Кунгура.

«Где же Ермакова гора?

— Да вон! Ишь, точно две срослись... Их две и было. Тут допреж разная неверная чудь жила. Шел Ермак и давай воевать ее. Бились они бились, — а там две горы стояли; промеж их и загнал Ермак неверного царя. А царь этот волшебный был: видит он — нет ему пути. Ни вперед, ни назад, конец неверной души приходит, и заклиал он эти горы. Лучше же, говорит, мне от горы пропасть, чем от меча христианского. Горы и навалились одна на другую. Там так и доселе чудской царь со своим воинством сидит». [9, с.534]

Своеобразная инициация Ермака в качестве культурного героя Урала происходит, на наш взгляд, в предании, которое рассказывает о смерти атамана на Ермаковой горе.

«Вон, на этой самой горе Ермаку снесла голову мурза татарская.

— Ого... Как же он потом Сибирь воевал?

— А у пермяков тогда волшебник оказался. Он и предложил, коли вы наших не тронете, в мире с нами жить будете, вам Ермака оживлю... И оживил.

— Как же это он ухитрился сделать?

— А так: забил его с головой в камень; через три дня и три ночи расколол камень и вышел оттуда Тимофеевич живым!

— Что же, пермяков не тронули? И посель живут?

— Где жить... И духу ихнего не осталось... Строгановы их разметали» [9, с.562].

Здесь важно и то, что Ермак в прямом смысле входит в землю, и то, что он становится преемником опыта, повторяя волшебное исчезновение Чуды в горе, и то, что, приняв этот опыт, Ермак больше не воевал с пермяками, очевидно, превратившись в одного из них.

⁴ Путевая очеркистика XIX века сыграла важнейшую роль в закреплении сылвенского сюжета как одного из ключевых мифов уральского текста русской культуры. П.И. Мельников-Печерский, П.И. Небольсин, и особенно Вас. Ив. Немирович-Данченко внимательно пересказали в своих уральских очерках все упоминания о Ермаке, в том числе и те, которые бытовали на Сылве.

Сегодня сылвенский сюжет ермаковского мифа активно продвигается в число важнейших брендов Кунгура: рядом с Ледяной пещерой открыта Ермакова деревня, деревянный крест посреди Крестового грота все чаще связывают с памятью о зимовке Ермака, по-прежнему популярным остается поездка на камень Ермак — один из самых живописных бойцов Сылвы, название которого хранит верность местной памяти старинным преданиям о Ермаке. В то же время чудская мифология — в основном благодаря историческим романам Алексея Иванова — локализовалась сегодня на чердынском севере и по реке Чусовой. Чусовая снова объединила разъятые советской идеологией мифологические линии — о Ермаке и Чуди, вернув глубоко укоренившийся в уральской геопоэтике сюжет об их органичной связи. Возможно, имиджмейкерам Кунгура тоже необходимо задуматься о возвращении чудской образности в сылвенскую часть ермаковского ландшафта.

Народная беллетризация сылвенской истории Ермака выявила механизмы присвоения личности ландшафтом и наделения ее ключевыми смыслами местной истории. Так Ермак становится покорителем древней Чуди, приобретая статус не только сибирского, но и уральского первопроходца. При этом сфера его влияния на Урале оказывается расширяющейся — места, расположенные по соседству с маршрутом Ермака, стремятся войти в поле его действия, повышая за счет связи с героем свой геокультурный статус. Во время подобного присвоения со всей очевидностью вскрываются глубинные мифологические связи местного ландшафта: отсутствие подтвержденных фактами мотиваций появления героя в данном пространстве компенсируется актуализацией базовых смыслов. В данном случае основой для присвоения образа Ермака послужила мифологема ушедшей под

землю Чуди, которая отсылает к истории заселения Урала, а значит, его рождения в пространстве русской культуры.

Библиографический список

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Изд. 2-е, доп. Пермь, 2008. 496 с.
2. Анисимов К. Ермак в истории и литературе // Русский журнал. 2003.19 февраля. URL: http://old.russ.ru/krug/20030219_anis-pr.html. Дата обращения 7 ноября 2015.
3. Блажес В.В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке (исследования и тексты). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 186 с.
4. Замятин Д.Н. Гений и место: в поисках сокровенных пространств // Проблемы теоретической и гуманитарной географии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию Б.Б.Родомана. Москва: Институт Наследия, 2013. С.308-332.
5. Кругляшова В.П. Жанры несказочной прозы Уральского горнозаводского фольклора: учеб. пос. по спецкурсу для студ. филол. фак-та. Екатеринбург: Издательство Уральского гос.университета, 1974. 166 с.
6. Летопись Сибирская краткая Кунгурская // Летописи сибирские / сост. Дергачева-Скоп Е.И. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. С. 249-265.
7. История Урала до конца XIX века: учеб. пособие / Г.П. Головчанский, П.А. Корчагин, А.Ф. Мельничук и др. Науч. ред. Г.Н. Чагин; Перм. ун-т. Пермь, 2007. 153 с.
8. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 879 с.
9. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал: (очерки и впечатления). Спб.: Тип. А.С.Суворина, 1890. 750, IV с.
10. Останин С. Тропа Ермака // Проза.ру. 2011. 16 июня. URL: <https://www.proza.ru/2011/06/16/729> Дата обращения: 12 ноября 2015 г.
11. Скрынников Р.Г. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л.: Знание, 1982. 32 с.
12. Шкерин В. Золотая лодка на берегах Сылвы: Неизвестный поход Ермакова воинства // Родина. 2001. № 11. С. 34-36.